

УДК 82.0

Б. В. Орехов

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ И ЭПИЗОДОВ В СРЕДЕ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

В статье мы даём аналитический обзор результатов опроса, проведённого среди студентов и посвящённого остаточным впечатлениям от их читательского опыта.

Ключевые слова: социология чтения, историческая поэтика жанра

Orehov B.V. Called-for fictitious characters and episodes in a contemporary student environment

In this article we analytically explore results of a poll in a contemporary student environment which is dedicated to residual impression of reading fiction.

Keywords: sociology of reading, historical poetics of genre

В узком значении социология чтения — утилитарная область, обслуживающая маркетинговое планирование издательского процесса. Несомненна (и более продуктивна для фундаментальной науки) при этом и культурологическая её значимость, особенно в том месте, где социологические аспекты количественной оценки аудитории смыкаются с вопросами поэтики. Социологические замеры способны выявить актуальность и востребованность читательской аудиторией не только авторов и жанров, но и обозначить тенденции в их взаимодействии с массовой культурой и в конечном счёте дать представление о современном состоянии постоянно меняющегося статуса художественной литературы.

Мы решились сделать такой замер в довольно специфической аудитории — студенческой, где под нашим руководством был проведён опрос, результаты которого дают богатый материал для, конечно, ещё предварительных, но по-своему небезыntenесных выводов [4].

Опрос был построен таким образом, чтобы выявить как литературные стереотипы аудитории, так и по возможности проследить востребованные тексты в читательской среде. Для выполнения этих целей была предусмотрена градуированная шкала вопросов от банального и не требующего на-

пряжения при ответе вопроса о любимом персонаже до предполагающего опору на реальный читательский опыт вопроса о запомнившихся эпизодах повествовательных произведений. Ответ на первый вопрос мог быть сделан без обращения к личной читательской практике и извлечён из набора культурных стереотипов. Предполагается, что ответ на последний вопрос дать «в автоматическом режиме» гораздо более затруднительно и именно он представляет более-менее адекватную картину функционирования художественных текстов в читательской среде.

Срединное положение на этой шкале занимал вопрос о нелюбимом персонаже, тоже по-своему призванный активизировать сознательность опрашиваемого.

В опросе участвовало 127 студентов факультета иностранных языков Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмулы. Такой уклон их образовательной программы, возможно, повлиял на чувствующийся в итогах крен в сторону зарубежной литературы: в абсолютных числах текстов и персонажей русской литературы названо меньше, хотя именно они занимают ведущие позиции в получившемся рейтинге:

1. Любимый литературный персонаж.

Мужские персонажи: Печорин («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова) — 8; Раскольников («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского) — 7; Воланд («Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова) — 6; Андрей Болконский («Война и мир» Л.Н. Толстого), Том Джонс («История Тома Джонса, найденыша» Г. Филдинга), Айвенго (Вальтер Скотт), Мистер Дарси («Гордость и предубеждение» Дж. Остен), Гарри Поттер (Джоанна Роулинг) — 3; Евгений Онегин (А.С. Пушкин), Робинзон Крузо (Д. Дефо), Чичиков («Мертвые души» Н.В. Гоголя) Дориан Грей (О. Уайльд) — 2. Женские персонажи: Маргарита («Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова) — 8; Элизабет («Гордость и предубеждение») — 5; Скарлетт О'Хара («Унесенные ветром» Маргарет Митчелл) — 4; Джейн Эйр (Шарлотта Бронте) — 3; Олеся (Н. Куприн), Консуэло (Жорж Санд) — 2.

2. Нелюбимый литературный персонаж.

Обломов (Н. Гончаров) — 8; Печорин — 5; Митрофан («Недоросль» Д.И. Фонвизина), Раскольников — 4; Дориан Грей, Евгений Онегин, Плюшкин («Мертвые души» Н.В. Гоголь) — 3; Джейн Эйр, Чичиков, Консуэло, Иуда Искариот (Л. Андреев), Базаров («Отцы и дети» И.С. Тургенева), Крошка Цахес (Э.Т.А. Гофман) — 2.

Обращают на себя внимание высокие позиции лермонтовского героя на обеих шкалах. Очевидно, что помимо констатации включённости Печори-

на в современный культурный контекст требует объяснения и его аксиологическая амбивалентность. Выскажем предположение, что ключевую роль в двойственности восприятия персонажа играет его тип мелодраматического злодея. Такой тип героя открывает перед читателем гораздо больше возможностей для его личной оценки. Так, реципиент может самоотождествляться и с самим злодеем, и с его жертвами, от чего, соответственно, зависит отнесение Печорина к положительным или отрицательным персонажам. Оценка Обломова — гораздо более сложная задача. Стоит упомянуть, что его имя фигурирует тоже в обоих списках, но в первом случае ближе к концу: всего один респондент решился назвать героя Гончарова в числе любимых. В первую очередь, по всей видимости, следует сказать о том, что его линия поведения не соответствует актуальной для современного российского общества ценностной модели, ориентированной на практическую прагматическую деятельность, приносящую эффективный результат. Этот ценностный стереотип, по всей видимости, довлел над респондентами, когда они относили Обломова к нелюбимым персонажам, не секрет, что имя героя Гончарова стало нарицательным для обозначения очевидных всем носителям культуры качеств. Можно назвать ещё несколько героев, одновременно вызвавших и симпатии, и антипатии студентов. Это Дориан Грей, Евгений Онегин, Раскольников, Чичиков, Гарри Поттер. Первые два в этом ряду с той или иной степенью правдоподобности могут быть отнесены к разновидностям мелодраматического злодея. В случае с Онегиным такая характеристика, конечно, имеет внутренний пародийный оттенок, но всё же имеет основания в тексте романа в стихах, скажем, в сне и письме Татьяны.

Заметен интерес студентов к мотивам, связанным по своему происхождению с готическим романом. Среди отмеченных респондентами героев фигурируют Бэлла и Эдвард из «Сумеречной саги» Стэфани Майер, вампир Лестат из «Интервью с вампиром» Энн Райс, Сатана из «Дневника Сатаны» Леонида Андреева, в этом же ряду должен быть упомянут Воланд Булгакова. По всей видимости, одной из важнейших составляющих читательской популярности в настоящее время являются готические мотивы.

Подводя итоги, можно назвать самое популярное по количеству вошедших в рейтинг героев произведение: «Мастер и Маргарита». Были названы практически все основные действующие лица романа: Маргарита, Мастер, Иешуа Га-Ноцри, Понтий Пилат и Воланд со своей свитой. Заметное место в сознании читателей занимает «Война и мир» Л.Н. Толстого, где фигурируют любимые персонажи студентов Наташа Ростова, Андрей Болконский, Пьер Безухов, Мария Болконская. Нет полной уверенности в том, что эти случаи упоминания означают знакомство с романом, но берущие начало в этом тексте культурные паттерны, по всей видимости, не теряют сво-

ей силы притяжения в поле русской культуры. Были названы Лебезятников, Раскольников, Лужин и старуха-процентщица из «Преступления и наказания», что подтверждает высокий статус этого романа Достоевского в читательской иерархии, претерпевшей за последние годы значительные трансформации, обусловленные социальными и идеологическими катаклизмами.

Так, например, внимательный взгляд на получившиеся результаты диктует вывод о фактически полном равнодушии современного читателя студенческого возраста к некогда популярным персонажам приключенческо-исторических произведений А. Дюма. По всей видимости, именно историческая составляющая этой жанровой структуры утрачивает актуальность.

Среди тех, кого мы ожидали бы увидеть, но не увидели в конечных результатах, — это т.н. «вечные образы», например, эмблематическая для западной культуры фигура Гамлета или Дон-Кихота. В отличие от героев русской классики, сохраняющих свои позиции в системе читательских стереотипов, западные культурные концепты имеют в студенческой среде гораздо более низкий потенциал.

Не может не броситься в глаза совершенная выключенность из ряда востребованности каких-либо античных героев, в риторическую эпоху бывших наиболее вероятными кандидатами на роль литературных топ-фигур. По всей видимости, современная культура успела сформировать свой фонд «классики», вытеснивший из культурного поля традиционных носителей высшего литературного статуса.

Обращает на себя внимание также полное отсутствие в списке интересующих студентов с позитивной или негативной стороны персонажей героев советской литературы. Ещё несколько десятилетий назад в таком перечне было бы не обойтись без Тимура и его команды, героев романов Фадеева, Островского и др. Такое положение вещей можно считать идеологическим крахом, по всей видимости, справедливо предсказанным Вик. Ерофеевым в статье «Поминки по советской литературе» (1990) [2].

Однако нет в составленном рейтинге и имён из гораздо более близкого литературного прошлого. Так, отсутствуют персонажи приобретших значительную популярность пять-шесть лет назад романов С. Лукьяненко «Ночной дозор» и «Дневной дозор». В попытке объяснить это мы предполагаем, что респондент в ответе на задания «литературного» опроса стремится называть прежде всего героев произведений, которые условно могут быть отнесены к ряду «классических», представляя, что именно таких ответов от него ожидает опрашиваемый. Скорее всего, это связано с мифологизацией объекта литературы, представлением о литературе как о непременно высоком, духовном и нравственно безупречном начале, с которым массовый продукт ассоциируется плохо.

В то же время популярность (пусть и кратковременная) «Ночного дозора» кажется нам показательной и важной для дальнейшего разговора об особом статусе «Мастера и Маргариты» в моделируемом читательскими интересами литературном универсуме.

3. Запомнившиеся эпизоды литературных произведений.

Бал у Сатаны («Мастер и Маргарита») — 9; полет Маргариты на метле — 8; убийство старухи-процентщицы («Преступление и наказание»), первый бал Наташи Ростовской («Война и мир») — 7; признание Мистера Дарси Элизабет Беннет и их последующая свадьба («Гордость и предубеждение») — 6; смерть Ромео и Джульетты, свадьба Эдварда Каллена и Бэллы Свон («Сумеречная сага») — 5; прах Квазимодо, обнимающего Эсмеральду в гробу («Собор Парижской Богоматери»), раненный Болконский под небом над Аустерлицем («Война и мир») — 4; письмо Онегина Татьяне и отказ Татьяны («И я другому отдана и буду я ему верна»), смерть Базарова; нанесение Маргаритой чудодейственного крема перед полетом — 3.

Самым популярным произведением по количеству упомянутых эпизодов снова зарекомендовал себя роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Учитывая, что постановка вопроса требовала от отвечающего знания текста, очевидно, что это произведение занимает центральное место во всей модели литературного мира, а может быть, даже вся литература как фонд художественных текстов для многих читателей сжимается до романа Булгакова и им ограничивается.

Фактически произведение М.А. Булгакова является по большому счёту единственным экземпляром именно литературного (не кинематографического, не телевизионного и не песенного) текста, находящегося сегодня в оперативной памяти среднестатистического студента (и даже студента-филолога). Х.Л. Борхес в рассказе «Вавилонская библиотека», нарисовав очертания грандиозной библиотеки-вселенной, оговаривается: «Letizia Álvarez de Toledo ha observado que la vasta Biblioteca es inútil; en rigor, bastaría un solo volumen, de formato común, impreso en cuerpo nueve o en cuerpo diez, que constara de un número infinito de hojas infinitamente delgadas. (Cavaliere a principios del siglo XVII, dijo que todo cuerpo sólido es la superposición de un número infinito de planos) El manejo de ese vademecum sedoso no sería cómodo: cada hoja aparente se desdoblaría en otra análogas; la inconcebible hoja central no tendría revés» [5, p. 505]. «Летисия Альварес де Толедо заметила, что эта огромная Библиотека избыточна: в самом деле, достаточно было бы одного тома обычного формата, со шрифтом кегль 9 или 10 пунктов, состоящего из бесконечного количества бесконечно тонких страниц. (Кавальери в начале XVII в. говорил, что твердое тело представляет собой бесконечное количе-

ство плоскостей.) Этот шелковистый вадемекум был бы неудобен в обращении: каждая страница как бы раздваивалась на другие такие же, а непостижимая страница в середине не имела бы оборотной стороны» [1, с. 150]. Таким вадемекумом, то есть «карманным справочником» (от лат. «vade mecum» ‘иди со мной’; сперва этим названием обозначался известный молитвенник «Vademecum piorum christianorum»), образно говоря, вбирающим в себя весь объём художественной литературы, вернее сказать, замещающим его собой является на сегодняшний день роман «Мастер и Маргарита».

Разобраться в причинах этого явления не столь просто. Почему именно «Мастер и Маргарита» смог остаться в памяти читателей при широкомасштабном вытеснении литературы из культурной памяти? Самый простой ответ — эффект экранизации. В декабре 2005 года по центральному телевидению демонстрировался сериал режиссёра Владимира Бортко, снятый по мотивам романа. Работа действительно вызвала исключительный интерес аудитории и, конечно, стимулировала часть публики к знакомству с книгой.

Но сериал «Мастер и Маргарита» отнюдь не был единственным и может быть, даже не был самым успешным проектом подобного толка. Должно быть, более удачен в смысле зрительского отклика оказался телесериал «Идиот» того же Владимира Бортко, вышедший на экраны всего за два года до «Мастера и Маргариты», в 2003 году, имевший не менее звёздный актёрский состав, и даже получивший премию А.И. Солженицына «за вдохновенное прочтение романа „Идиот“, вызвавшее народный отклик и воссоединившее современного читателя с русской классической литературой в её нравственном служении» [3]. Эта формулировка недвусмысленно подчёркивает особенное внимание зрительской аудитории, привлечённое и к экранам во время показов, и к самому роману. В 2004 году вышел на экраны сериал по роману В. Аксёнова «Московская сага». В 2006 году в эфир вышли сразу четыре основанных на классических книгах сериала. Плотно рекламировавшийся «В круге первом» по сценарию автора романа А.И. Солженицына (январь), «Золотой телёнок» (январь), «Доктор Живаго» (май) и «Тихий Дон» (ноябрь). Сериал «Преступление и наказание» вышел в эфир в декабре 2007 года. Наиболее свежим по впечатлениям для опрашиваемых должен был быть сериал «Братья Карамазовы», демонстрировавшийся на Первом канале в 2009 году, но ни одна из этих книг не фигурирует со сколько-нибудь заметной частотой в ответах респондентов на предложенные вопросы о запомнившихся им произведениях. Очевидно, что между интересом к книге и демонстрацией поставленного по её мотивам телефильма нет однозначного соответствия.

На наш взгляд, исключительное место «Мастера и Маргариты» в современной системе читательских предпочтений обусловлено сложным со-

единением ряда факторов, среди которых (список не исчерпывающий) история вечной любви, преодолевающей непреодолимые препятствия, волшебный (с готическим ареолом) фон, реактуализация фантастики, вырастающей на почве повседневного, лёгкость стиля, юмор. Некоторые из этих компонентов оказались воспроизведены в книгах Лукьяненко, что, на наш взгляд, и обусловило их временную популярность.

Третий по мнемонической силе эпизод свидетельствует об актуальности в современной культуре и романа Достоевского, а сам по себе этот результат может быть рассмотрен на фоне заметного и противоречивого интереса читателя к Раскольникову.

Следующие позиции занимают события, рисующие, по сути, одну сюжетную ситуацию воссоединения возлюбленных. Так, за исключением бала юной Наташи Ростовой, который составляет пару к балу у Сатаны, признания мистера Дарси Элизабет Беннет и их последующая свадьба, свадьба сумеречной пары Бэллы Свон и Эдварда Каллена, финал трагедии Шекспира и романа Гюго — это близкие по своей внутренней логике фабульные эпизоды. Возможно, имеет смысл упомянуть в связи с этим модную ныне гендерную составляющую, потому что подобного рода сюжеты традиционно близки именно женской части аудитории, которая среди опрошенных имела значительный численный перевес.

Из текстов, которые пока нельзя назвать классическими, заметный читательский интерес вызывают романы, главным оформительским моментом в которых выступает фантастическое, необычайное, волшебное — истории про вампиров («Сумеречная сага») и волшебников («Гарри Поттер»). На этом фоне заметно падение интереса к жанру исторического (из этой категории позиции сохраняет разве что «Айвенго») и приключенческого романа (по-своему значимое отсутствие в ответах респондентов А. Дюма), хотя сама по себе историческая тематика продолжает быть частым спутником интересных читателю текстов («Собор Парижской Богоматери»).

Предсказуема ситуация вокруг востребованных жанров, единственным, по сути, представителем которых остаётся роман. Опрос был построен таким образом, что актуализировал в сознании респондентов только повествовательные типы текстов, однако, среди их достаточного жанрового многообразия (поэма, рассказ, повесть, новелла) роману не нашлось достойного конкурента.

Представленные материалы позволяют сделать пока ещё весьма ограниченные выводы о системных соображениях, определяющих положение отдельных литературных явлений в сознании читателя-студента. К числу таких выводов следовало бы отнести существование самостоятельных структурирующих сил, определяющих конфигурацию читательских интере-

сов, разительно не совпадающую с учебной программой. В случае, если бы учебный процесс (как школьный, так и вузовский) сильнее влиял на читателей-студентов, то мы бы обнаружили в числе упоминаемых персонажей и эпизодов факты античной, средневековой (в т. ч. древнерусской) литературы, значительно полнее в получившихся результатах были бы представлены произведения XVII–XVIII веков, а внепрограммные (большой частью «готические») произведения занимали бы там гораздо меньшее место или полностью отсутствовали.

Таким образом, хотя студенческая среда и признана нами в начале нашей статьи специфической, эта специфичность в смысле свойственных ей читательских интересов не имеет линейной зависимости от учебной программы.

Литература

1. Борхес Х. Л. Коллекция: Рассказы; Эссе; Стихотворения. — СПб.: Северо-Запад, 1992.
2. Ерофеев В. Поминки по советской литературе // Литературная газета. 1990. 4 июля.
3. Идиот (телесериал) // Википедия. [2010–2010]. Дата обновления: 15.05.2010. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=24561902> (дата обращения: 15.05.2010).
4. Лукманова Ю. Читательские стереотипы востребованности литературных персонажей и эпизодов на факультете иностранных языков БГПУ им. Акмуллы // Инновационный потенциал молодежной науки (в печати).
5. Borges J. L. Obras completas. T. 1. — Buenos Aires: Emecé Editores, 2005.